

«У меня украли голос»

— Марина Владимировна, вы не без внутреннего преодоления согласились на эту встречу. Если не секрет, в чем причина вашей неразговорчивости?

— Я очень огорчена тем, что увидела в России на этот раз. Жизнь у вас заметно изменилась к худшему. Все подошло к какой-то опасной черте. И самое огорчительное, что никто не может найти, как из этого выбраться...

— Выбраться!

— Да, но без трагедии. На наших глазах рушится то, что мы любим в России, — ее дух, ее честь... У меня есть личные наблюдения, которые меня ужаснули. Я видела, как подростки пытались ограбить малышек прямо на улице. Это был настоящий детский рэкет.

— И вам удалось за мальчишек заступиться?

— Ну конечно... — (Смеется). — Я все-таки жутко здоровая баба! Что мне оставалось делать — стала орать, и эти грабители меня испугались, убежали. Хорошо, что их было четверо. А ну как десять...

— Ваша книга о Высоцком «Владимир, или Прерванный полет» давно стала у нас бестселлером, выпущена миллионными тиражами. А как она принята во Франции?

— Там она тоже имела большой успех. И я благодарна Симоне Синьоре, которая убедилась, что я сестра за этот труд. О, это была каторжная работа. Я мучилась, мне казалось, что я не умею писать ничего, кроме писем. И тогда Симона посоветовала мне: так и пиши эту книгу — как письма ему.

— Сейчас, когда Высоцкого нет с нами, что вы думаете о том времени, какой след оставил он в вашей жизни?

— Володя открыл мне лучшее, что есть в России. Этот человек олицетворяет для меня то, что я любила и люблю в России, — искусство, гений, отчаяние, поэзию...

— Ваши сестры ведь тоже стали актрисами?

— И очень известными. Татьяну театральный Париж знает как Одиль Версуа, а Милицу — как Элен Валье.

— Случалось ли вам всем трем встречаться на сцене?

— Случалось. И не где-нибудь, а в «Трех сестрах». Все мы — поклонницы Чехова. Можно считать, что он сделал нашей троице царский подарок, написав пьесу, которая идеально нам подошла. Татьяна играла Ольгу, Милица — Машу, а я — Ирину.

— И как же встретила этот спектакль публика?

— О, это был колоссальный успех. Театр Эберто, где мы играли, весь сезон был полон на наших представлениях. Мы испытывали необыкновенный подъем. К тому же в истории театра это первый и, вполне возможно, последний случай, когда чеховских трех сестер играли действительно родные сестры, профессиональные актрисы.

— Вы рассказываете о «Трех сестрах», а я вспоминаю фильм Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа», где вы сыграли Лиду Мизинову. Какими судьбами вы попали в эту картину?

— С Юткевичем я познакомилась в ранней юности. Я его встретила впервые в Каннах, когда мне было пятнадцать лет.

— Мне одно непонятно: вы и сейчас, свободно владея русским, говорите с акцентом. А ваша Лика Мизинова начисто лишена этого шарма. Как вам это удалось?

— В том-то и дело, что моя Лика Мизинова говорит в фильме не моим голосом. Этот удар меня ждал на премьере, и я так плакала, я была просто в отчаянии. Потому что для такой актрисы, как я, голос — часть души. Это, если хотите, моя фирменная вещь. А тут мои уши скреб какой-то старческий голос, против которого все во мне восстало... Старая театральная актриса меня дублировала каким-то ужасно дрожащим тремо-ло. А ведь Лика Мизинова вполне могла бы иметь легкий иностранный акцент.

Беседой гостью развлекал
Олег СЕРДОБОЛЬСКИЙ.

